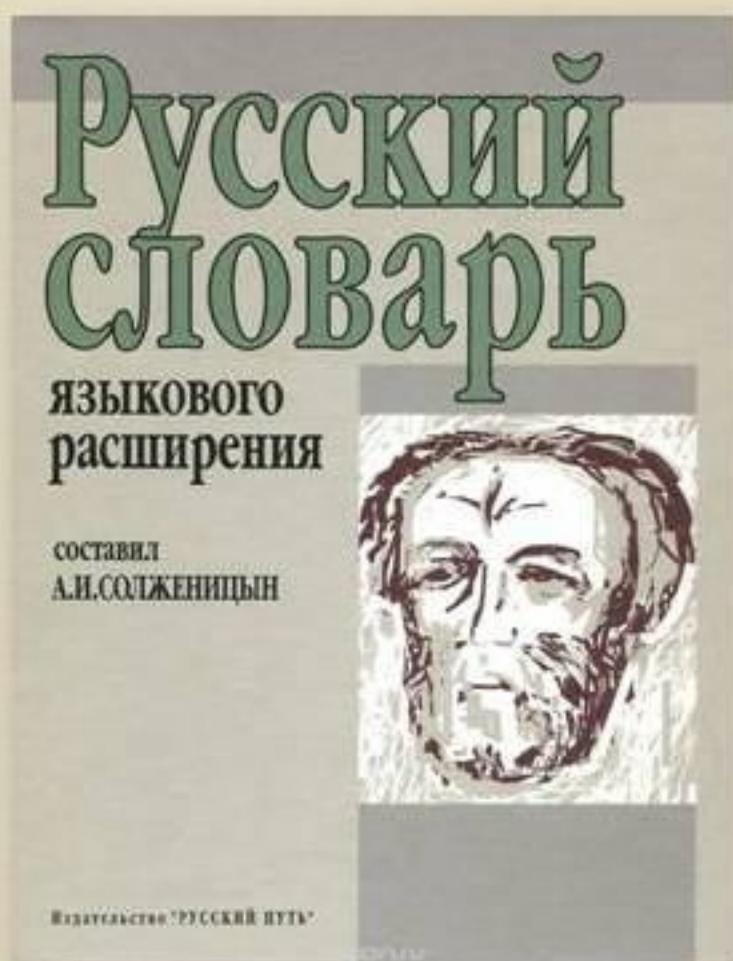

Комитет по культуре Курской области
Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева

**Необычный словарь
русского языка
А. И. Солженицына**

Библиографический очерк

Комитет по культуре Курской области
Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева

**Необычный словарь русского языка
А. И. Солженицына**

Библиографический очерк

Курск
2018

ББК 91.9:81.411.2-4я1+81.411.2-4я1

Н 52

Составитель: Сороколетова М. Г., зав. информационно-библиографическим отделом

Ответственный за выпуск: Аболмасова Е. И., зам. директора по научной работе

Необычный словарь русского языка [Текст] : библиографический очерк / Комитет по культуре Курской обл., Курская обл. науч. б-ка им. Н. Н. Асеева, информ.-библиогр. отд. ; сост. М. Г. Сороколетова. – Курск, 2018. – 22 с.

Знак информационной продукции 12+

Настоящее издание знакомит со «Словарем языкового расширения», составленным А. И. Солженицыным. Александр Исаевич - не только художник слова, глубоко мыслящий философ, профессиональный аналитик истории, политики Росси, но и лингвист. Он предстаёт перед читателем хранителем и живительной силой «великого и могучего» русского языка. Очерк освещает историю составления Словаря, его особенности, рассматривается различие двух словарей (Даля и Солженицына), а также «диалог» с русскими писателями XX века, чьи словесные единицы попали на страницы Словаря из художественных текстов.

Издание предназначено для школьников, студентов, всех интересующихся русским языком.

«...Вся моя жизнь проходит среди слов, и когда мне удаётся минуту дохнуть свежим воздухом, то я беру выписки из русских словарей и перебираю эти слова как драгоценности, и каждое кажется мне таким прекрасным...».

А. Солженицын

Пресс-конференция. Париж, 10 апреля 1975 г.

Забота о словаре родного языка издавна берedit души российских писателей. Мысль о необходимости словаря литературного языка впервые была публично высказана В. К. Третьяковским. Из черновых записей М. В. Ломоносова к его «Российской грамматике» (1755) видно, что его тоже волновали вопросы по созданию подобного словаря. «И когда сложился коллектив составителей (47 членов Российской Академии из 60), то среди них оказались такие писатели и ученые авторитеты, как Фонвизин, Княжнин, Державин, Богданович, Дашкова, Мусин-Пушкин и др.» (5, С.5).

Первый русский словарь синонимов принадлежит Д. И. Фонвизину. В год открытия Российской Академии (1783) он опубликовал небольшой «Опыт российского сословника».

На протяжении ряда лет собирал материал для своего «Объяснительного словаря русского языка» Н. В. Гоголь. Этот словарь, по мысли писателя, должен был вобрать в себя лексику как книжно-письменного, так и живого, разговорно-народного языка. Осуществить же задуманное в полном объеме суждено было его современнику писателю Казаку Луганскому – Владимиру Ивановичу Далю.

Записи материалов раскольничьего языка вел П. И. Мельников-Печерский. Огромный труд по созданию словаря народного языка был задуман и частично выполнен драматургом А. Н. Островским. А записи

речений и всевозможных испорченных слов хранит творческое наследие Н. С. Лескова.

В русле давней русской традиции работал над своим Словарём и Александр Исаевич Солженицын.

«Александр Исаевич Солженицын принадлежит к тому нередкому в отечественной литературе типу писателей, для кого Слово равно Делу, Нравственность состоит в Правде, а политика - вовсе и не политика, а «сама жизнь» (6, С. 19).

Известно, что одна из постоянных тревог писателя - почему люди часто не понимают друг друга, почему не каждое слово - художественное или публицистическое - доходит до сознания и сердца, почему иные слова уходят, не оставив следа. «Отчасти он сам ответил на этот вопрос, сказав в «Нобелевской речи» (1970), что правдивое слово не должно быть безликим, «без вкуса, без цвета, без запаха», ему пристало соответствовать национальному духу, этой праоснове языка» (6, С.20).

Поиск и отбор слов, изменение словообразовательных элементов у наиболее «затёртых» из них - одна из немаловажных составляющих творчества Александра Исаевича, его поэтики. Как известно, на основе аналитической проработки существующих словарей русского языка, а также лучших образцов отечественной литературы и всего слышанного «в разных местах... из коренной струи языка», Солженицын составил «Русский словарь языкового расширения», цель которого видел в том, чтобы послужить отечественной культуре, «...восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему» («Объяснения» к «Русскому словарю...»)» (6, С.21-22).

Суть работы над Словарём состоит не в том, чтобы попытаться вернуть современников к прошлому языковому сознанию. Не о замене иностранного слова «калоши» на русское «мокроступы», как предлагали задолго до него ревнители чистоты русского языка, идёт у него речь. И не о замене широкоупотребительной лексики забытыми или почти забытыми словами, собранными им: «зрятина» вместо «напраслины», «смехословие» вместо «иронизирования», «тщесловие» вместо «суесловия», «женобесие» вместо «женолюбия», «школить» вместо «воспитывать» или, может быть, «ругать», «звёздодхват» вместо «хватаящий звёзды с неба», «авосьничать» вместо «делать что-нибудь на авось» и т.д. Собранные слова предлагаются им лишь в качестве возможных синонимов к распространённым, т. к. они содержат дополнительные смысловые или экспрессивные оттенки. «...С лингвоэстетической точки зрения его словарь и писательский труд движимы стремлением вернуть в речевой обиход соотечественников, в русскую литературу - из запасников языка «ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение слова», которые могут найти применение, обогатить современную речь, выразить содержание, может быть, в должной мере невыразимое известными языковыми средствами.

Показательно, что сам Солженицын смог, как он считает, «вполне уместно» использовать в собственных произведениях лишь пятьсот лексических единиц из своего Словаря» (6, С. 22).

«Русский словарь языкового расширения» был составлен писателем в Вермонте при поддержке и помощи его младшего сына. Основой для этой работы служил словарь В. И. Даля. «С 1947 года, пишет Александр Исаевич, он ежедневно занимался словарем Даля как гимнастикой. Читал все четыре тома «внимчиво» (3).

Обращение к словарю Даля, как к сокровищнице «меткого народного слова», было бы естественным при любых условиях; все русские писатели заглядывали в него. «Словарь Даля, по словам В. В. Виноградова, «всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком». Солженицыну же как будто помог случай: он обнаружил словарь Даля в лагере, где работал «чернорабочим, каменщиком, литейщиком». Словарь этот он, по-видимому, упорно изучал в течение 1950—1952 годов. Как свидетельствует Б. В. Бурковский, работавший вместе с ним в лагере: «он часто лежа на нарах читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь» (1, С. 246). Можно себе представить, с каким рвением накинулся на словарь Даля в тюремных условиях молодой человек, всю жизнь мечтавший стать писателем! Один из героев Солженицына — Нержин — упоминает, что он имел в лагере «Толковый словарь Даля... издания 1881 года»; по-видимому, это место - автобиографического происхождения» (1, С. 246-247).

Ежедневная скрупулезная работа Солженицына над далевским изданием шла в два этапа: выписки громоздких словарных статей и их сокращение. При этом Александр Исаевич пошел по пути не простого сокращения и отбрасывания второстепенных вещей, а по пути выделения главной мысли, центрального значения категории.

Глубокое проникновение в самую суть языковой системы помогло писателю определить ряд глобальных реконструкторских задач для дальнейшего разрешения: возродить забытые слова и «восполнить всеобщее падение чутья» к языку.

Словарные статьи издания предваряют размышления Александра Исаевича о замысле создания подобной книги, истории ее составления и

написания, но самое главное, что автор сам акцентирует внимание на значении словаря для настоящего и будущего русского человека. «Принципиальное отличие «Русского словаря языкового расширения» Солженицына от других словарей состоит в главной задаче, стоящей перед автором при его написании – в задаче представления не полного состава языка (как в большинстве российских словарных изданий), а, напротив, в возрождении несправедливо забытых слов» (2, С. 35).

В предисловии к словарю автор объясняет читателю и порядок работы с изданием. При этом он указывает на собственные принципы отбора языкового материала, объясняет более частные моменты организации словарных статей.

Солженицын отличается от своих предшественников, русских классиков тем, что он пытается оживить и освежить современный литературный язык по заранее составленному широкому плану «обогащения» русского литературного языка. Причем термин «обогащение» означает только процесс введения писателем новых и далевских слов в литературный язык; этот термин не является суждением о ценности этих слов.

Основные положения плана изложены Александром Исаевичем в статье «Не обычай дегтем...». «Вкратце эти положения можно сформулировать так:

1. По возможности употреблять краткие отглагольные существительные мужского и женского рода (*перетаск, сохрани, убывь, нагромоздка, приноровка*), вместо «долгих» среднего рода (*перетаскивание, сохранение, убывание, нагромозждение, приноравливание*). Такие краткие существительные Солженицын считает «сильными и поворотливыми».

2. По возможности меньше употреблять отвлеченные существительные: «содержать их во фразе поменьше».

3. Образовывать новые приставочные существительные (*предместник*) вместо общеупотребительных длинных выражений: *мой предшественник на этом месте*.

4. Свободно образовывать чисто русские наречия (*вприпорох, дотонка, одвуконь*), «в которых таится главный задаток краткости нашего языка».

5. Больше образовывать новых приставочных глаголов (*остегнуться, расклонить, уклонить, вышатнуть, пришатнуть, доумевать, узвать*) от основ общеупотребительных глаголов (*застегнуться, наклонить, отшатнуться, недоумевать, звать*).

6. «Выискивать и привлекать достойные русские слова» (*осязательность*), вместо того чтобы «наталкивать без удержу иностранные слова» (*конкретность*).

7. Словарь Даля является основным источником лексики, отвечающей п.п. 1-6, для «осторожного словарного расширения» литературного языка Солженицыным.

В выше перечисленных положениях примеры взяты Солженицыным из словаря Даля. Чисто же солженицынские новообразования следуют этим примерам: КРЯХТ, МОРЩЬ, ОТДАЛЕННИК, ВРАЗНОКАП, ДОКОСТИ, ВГОВАРИВАТЬ, ПОПРИГАСНУТЬ, НЕЗАМЕЧАНИЕ и другие.

В добавление к этим положениям, следует отметить у Солженицына большую свободу образования новых составных существительных и прилагательных» (1, С. 245-246).

Солженицын, в соответствии со своей установкой на «расширение» русского языка, сводит на нет авторское начало своего «Русского словаря языкового расширения», выступая, как воскреситель редких и забытых слов. Задача солженицынских словообразований-прозаизмов – более гибко, подробно передать пространственные и временные отношения, жесты, объемы, форму вещей. «*Обтяжистый*», «*коротизна* (зимних дней)», «*натюрить* (накласть в жидкость)», «*затужный*» (в 2 значениях: перетянутый и горестный)», «*возневеровать* (стать не верить, усомниться)», «*обозерье* (околица большого озера)», «*низмашь* – ударяя с подъема руки (а не прочь, не наотмашь)» - примеры солженицынских слов» (7, С. 292).

Но в какой мере их можно назвать солженицынскими? Практически все «новообразования» словаря, в том числе и вышеприведенные, взяты из «Толкового словаря» В. Даля, где они даны в гораздо более развернутом словопроизводном и толковательном контексте, чем у Солженицына. «Например, там, где Даль пишет:

Внимательный, внимчивый, вымчивый, обращающий внимание, внемлющий, слушающий и замечающий, -

Солженицын просто ставит слово:

ВНИМЧИВЫЙ,

как бы давая ссылку на Даля. ...» (7, С. 292).

Иначе говоря, Даль создал словарь живых возможностей великорусского языка, его потенциальных словообразований, многие из которых впоследствии не задействованы – и именно поэтому в словаре-«наголоске» Солженицына поражают едва ли не больше своей новизной, чем в словаре Даля, где они приводятся в ряду известных, устоявшихся слов, что скрадывает их новизну. «У Даля от известного «*пособлять*» к неизвестному

«пособу» выстраивается целый ряд словообразований, более или менее общепринятых в языке («пособить», «посабливать», «посабливанье», «пособление»), тогда как Солженицын исключает из своего словаря все обиходные, устоявшиеся слова и дает только редкие, необычные «пособь», «пособный», «пособицк». «...Этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеивается всё недостаточно употребительное – здесь выделяется именно оно» (Солженицын)» (7, С. 293).

Солженицынский строгий отбор далевских словечек в конечном счете усиливает эффект их художественности, придуманности, поскольку они выделены из массы привычных, употребительных слов и предстают в своей особости как способ расширения языка. «Удельный вес «потенциальных» слов, приведенных — или произведенных — Далем как пример словообразовательной мощи и обилия русского языка — в солженицынском словаре гораздо больше, чем у самого Даля. Но поскольку они «опираются» на Даля, который сам якобы «опирался» на лексику своего времени, они производят впечатление еще более устоявшихся и как бы даже «залежалых», извлеченных из неведомо каких первородных залежей, исконных древних пластов языка. Как это часто бывает в искусстве XX века — у Джойса, Пикассо, Хлебникова, Эйзенштейна и др., — модернизация и архаика, авангард и миф, вымысел и реконструкция шествуют рука об руку» (7, С. 294).

Если Даль — романтик национального духа и языка, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию. Установка Даля, в соответствии с его профессиональным самосознанием — научная, собирательская, а солженицынский словарь, по замыслу автора, «имеет цель скорее художественную» (7, С. 294). И хотя, солженицынский словарь всего лишь эхо («наголосок») далевского, в нем выдвинуто на первый план не

собирабельское, а изобретательское начало, «расширительное» введение в русский язык тех слов, которые мыслятся самыми «исконными» по происхождению, а значит, и наиболее достойными его освежить. За время своего отсутствия в русском языке они не столько состарились, сколько обновились, и если у Даля они представлены как местные, областные, архаические, диалектные, народные, разговорные слова, то у Солженицына они предстают как именно однослова, крошечные произведения, сотворенные в том же стиле и эстетике, что и солженицынские повести и романы. «Когда в предисловии к своему «Словарю» Солженицын пишет, что он читал подряд все четыре тома Даля «очень внимчиво» и что русскому языку угрожает «нахлын международной английской волны», то эти слова воспринимаются как совершенно солженицынские, хотя легко убедиться, что они выписаны у Даля» (7, С. 294).

Солженицынские слова идентичны далевским, но добавляют энергию художественного отбора, а главное, новый исторический опыт к тому, что составляло разговорный запас русского языка середины прошлого века. «Например, Даль пишет:

НАТЮРИВАТЬ, натюрить чего во что; накрошить, навалить, накласть в жидкость, от тюри, крошки. - СЯ, наестся тюри, хлеба с квасом и луком.

Солженицын гораздо лаконичнее: НАТЮРИТЬ чего во что — накласть в жидкость.

Солженицынское толкование, хотя и короче, но многозначительнее далевского. Оно включает и те значения, которые приданы были этому слову XX веком и лагерным опытом самого Солженицына. Оно красноречиво даже своими умолчаниями. Из определения тюри выпали «квас и лук», как выпали из рациона тех, чьим основным питанием стала тюря (недаром с начальной рифмой к слову «тюрьма»). «Навалить» в жидкость стало нечего, а

«*накрошить*», возможно, и нечем (ножей не полагалось), — хорошо бы и просто «*накласть*». «*Натюриться*» в смысле «*наесться*» тоже вышло не только из языкового, но и житейского обихода. Слово «*натюрить*», поставленное в солженицынском словаре, приобретает смыслы, каких не имело у Даля, — как эмблема всего гулаговского мира, открытого нам Солженицыным, как слово-выжимка всего его творчества» (7, С. 295).

Приведем примеры того, как Солженицын обогащает далевский текст, часто при этом и сокращая его.

Даль:

ВОЗНЕВЕРОВАТЬ чему, стать не верить, сомневаться, отрицать.

Солженицын:

ВОЗНЕВЕРОВАТЬ чему — стать не верить, усумниться.

«Вместе с Солженицыным мы знаем о психологических оттенках и практических приложениях этого слова больше, чем в прошлом веке мог знать Даль. Для современников тургеневского Базарова «*возневеровать*» еще значило «отрицать», а для наших современников, таких как Иван Денисович, «*возневеровать*» вполне может сочетаться и с приятием. Да и «*усумниться*» боязливее, чем «сомневаться», как будто допускается сомнение в самом сомнении» (7, С. 295).

Даль:

ВЛЮБОВАТЬСЯ во что, любуясь пристраститься.

Солженицын:

ВЛЮБОВАТЬСЯ в кого — любуясь, пристраститься.

«У Даля описывается пристрастие к вещцам: так и видишь какую-нибудь хорошенькую барышню, влюбавшуюся в не менее хорошенький зонтик. У Солженицына — совсем другая энергетика этого чувства: влюбаваться в кого — и уже не оторваться ни глазами, ни сердцем, хотя бы только любуясь на расстоянии... «Влюбаваться» — очень нужное Солженицыну слово, незаменимое; по сравнению с «влюбить» оно несет в себе и большую отстраненность — «любаваться», и большую обреченность — «пристраститься» (7, С. 295-296).

«Итак, солженицынские слова вместе с определениями выписаны из Даля, но они так пропущены через опыт «второтолкователя», что, каждое по-своему, становятся парафразами огромного текста по имени Солженицын. Сам Солженицын, может быть, и не имел в виду тех смысловых оттенков, которые мы ему приписываем, — но подлинно художественный текст всегда умнее автора, и слова в солженицынском словаре сами говорят за себя, кричат о том, о чем автор молчит» (7, С. 296).

Чтобы войти в состав общенародного языка, быть включенными в Словарь «живого великорусского» наравне с общеупотребительными словами, новообразования должны восприниматься столь же или даже более «естественно», чем их соседи по словарю, походить на народную речь. Поэтому далевско-солженицынские однослова восприимчиваются как прозаизмы, скроенные по закону разговорной речи.

«В целом Даль, как и Солженицын, предпочитает не рубить, скрещивать корни, но работать с приставками и суффиксами, то есть брать «одно, главное понятие», плавно поворачивая его иной гранью. Типичные далевско-солженицынские словообразования: «издивоваться чему», «выпытчивая бабенка», «размысловая голова — изобретательная», и т.п. Никаких резких разломов и сращений в строении слова — лишь перебрать

крышу или достроить сени, но ни в коем случае не менять основы, не переносить дом на новое место» (7, С. 297).

Значимым фактом можно считать то, что автор при составлении словаря учитывал языковые особенности широкого круга носителей русского языка: люди из разных уголков России, писатели прошлого, настоящего, но самое главное, что автором взяты во внимание языковые элементы «не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» (2, С. 35).

В сознании писателя слова представляли как сгустки «энергии», что позволяло автору словаря охватить слово в его многозначности, раскрыть как можно сильнее его лексический потенциал. При этом слова, вошедшие в издание, брались автором не только из живой, звучащей речи русского народа, но и из письменных источников, художественно фиксирующих ее. Так, в «Русском словаре языкового расширения» Солженицына мы встречаем лексику из произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, С. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, И. Шмелева, С. Есенина, Е. Замятина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, А. Толстого. Однако не стоит думать, что задача Солженицына состояла лишь в фиксации и возвращении забытых или потерянных русских слов, в восстановлении их в правах – это слишком узкое понимание писательской установки. Эти слова должны были стать некими «мостками» в творческую лабораторию художника.

На сегодняшний день проникнуть в мастерскую Солженицына не составляет особого труда. Изданные в России многотиражные собрания сочинений Александра Исаевича, его мемуарные, критические, эпистолярные работы помогают в этом. Раскрыть же механизм работы Солженицына со словом писателей России XIX-XX вв., попавшим в «Русский словарь

языкового расширения», помогает опубликованная в 1997-2004 гг. в журнале «Новый мир» «Литературная коллекция».

«Литературная коллекция», сочетающая в себе черты разных жанров (и дневника, и эссе, и критического опуса, и так называемой «лаборатории писателя»), оказалась уникальным по значимости явлением истории и критики русской литературы. Во-первых, тексты из «Литературной коллекции» позволяют читателю понять солженицынское видение творческого наследия того или иного художника слова. Во-вторых, художественные манеры писателей оцениваются Александром Исаевичем в неразрывном единстве произведения и историко-литературной эпохи. (Наиболее яркие примеры: «И. Шмелев и эмиграция», «Б. Пильняк и «Россия. Революция. Мятель», «Е. Замятин и Советская Россия», «Л. Леонов и Ф. Достоевский», «М. Булгаков и советское литературоведение», «В. Распутин и писатели-деревенщики», «Ф. Светлов и советский быт 1970-х гг.», «И. Бродский и «ирония как религия всего XX в.»). Как отмечает Г. Е. Жилиев, «коллекция помогает лучше увидеть, расшифровать характернейшие узлы российской духовной жизни на протяжении нескольких десятилетий».

В-третьих, ценностью «Литературной коллекции» выступают наблюдения Солженицына в области «писания», «делания» художественного произведения, актуализируя тем самым понятие «мастерская писателя» (2, С. 35). В этом отношении бесценны наблюдения Солженицына, подходящего к творческому процессу как к тяжелому, кропотливому труду. Исходя из данного посыла, Солженицын не сдерживает себя в собственных оценках и характеристиках творческих методов, приемов писателей, в указании не только сильных граней их воплощенного таланта, но и слабых моментов творчества. Последний аспект – критический взгляд Солженицына на произведение творца – является основополагающим для текстов из

«Литературной коллекции». Это и есть путь, ведущий в творческую лабораторию художника.

Логика критического взгляда Солженицына на художественный текст развивается по определенной схеме – указание на какие-либо несоответствия реальной действительности и художественной, выделение слабых и сильных сторон в композиционном построении, сюжетном развитии, персонажной системе и определение наиболее ярких особенностей, авторских находок в языковой парадигме (лексика и синтаксис). И во многих текстах из «Литературной коллекции» Солженицын прямо отмечает те слова, которые входят в «Русский словарь языкового расширения» или могли бы его дополнить.

Остановимся подробнее на языковой стороне произведений Евгения Замятина, который представлен во всем многообразии эмоциональных оценок в статье «Из Евгения Замятина». Отдельным объектом внимания стали наблюдения над языковой стороной замятинских текстов.

«Поражался всегда, – пишет Солженицын, – вызывающе краткой яркостью в портретах и его энергичным сжатым синтаксисом». С первых строк статьи писатель определяет Замятина как одного из своих учителей в синтаксисе, отмечая, однако, при этом, что приобрел у него в итоге небольшой опыт. Писатель акцентирует внимание и на лексической стороне замятинских текстов. Отдельным списком представлен в статье перечень образных выражений и описаний» (2, С. 36).

В состав этих словесных формул включены слова и словосочетания, вошедшие в солженицынский словарь, как, например, «*круглый голос*», «*насмеллся*». Показательно, что Солженицын не использует замятинскую лексику в исходном виде. Он преобразует слово, сохраняя его «ядро», его

«энергию». «Если у Замятина мы встречаем: «Шмит звал обедать. Стал было *некаться* Андрей Иваныч, да Шмит и слышать не хотел» («На куличках»). То у Солженицына в текстах используется не замятинское слово, а данное ему автором словаря значение: «После Бородин я возомнил, что я – свободный человек. Нет, нет, нисколько! Как вязнут ноги, как трудно вытаскивать их! Пытаюсь *отнекаться* тем, что: – Опоздали «Грани». Вот уже «Таймс» напечатал. – «Таймс» – неважно, важны – «Грани»! важен отпор и советская принципиальность!» («Бодался теленок с дубом»)» (2, С. 36).

«*Отнекиваться*», по Солженицыну, соответствует основному значению «*некаться*» из словаря В. И. Даля: «*Некать* – повторительно говорить нет; отказывать, отрекаться, запираяться; отговариваться или не соглашаться». В отрывке из книги «Бодался теленок с дубом» слову предшествует многократное использование частицы «нет» (основное значение далевского толкования), раскрывающей смысл отказа.

«В замятинском «Севере» встречается лексема «*паршь*»: «– Да что ж: все от самого человека зависит. Когда я ступил сюда первой ногой – кто я был? Так – *паршь*, зук, вроде Степки, а теперь – да-а...». А в солженицынском «Архипелаге ГУЛАГ» не менее яркой предстает родственная ей лексема: «А еще тебя бьют, если ты слабее всех, или ты бьешь того, кто слабее тебя. Это ли не растление? Душевым лишаем называет старый лагерник А. Рубайло это быстрое *запаршивленье* человека под внешним давлением». В обоих случаях использованные языковые единицы передают основное значение слова «*паршивый*» – плохой, дрянной, скверный; отвратительный, ничтожный (2, С. 36). В «Севере» это значение передается более жестко, хлестко. А в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын, работая со значением слова, идет намного дальше: здесь уже не просто

констатация признака, а отражение процесса, приводящего человека к называнию его «*паршей*». Это свойственно именно солженицынскому стилю – мастеру изображения не готового, статичного характера, а динамичного, меняющегося, «текучего».

Полубившейся языковой единицей для Солженицына становится слово «*прозор*». «В «Сподручнице грешных» Замятина мы встречаем его использование единожды: «Любила мать Нафанаила весну, капель, черные *прозоры* земли сквозь снег» (именно в таком виде дается лексема в «Русском словаре языкового расширения»). У Солженицына же в текстах данное слово поражает читателя богатством дополнительных оттенков. Здесь и обозреваемое какое-либо пространство на расстоянии (в современном русском языке – «просматривать»): «В пути глядя на карту при фонарике: выпадало Боеву переехать на восточный берег Пассарге, потом еще километра полтора по проселочной, и поставить огневые, наверно, за деревней Адлиг Швенкиттен, – так, чтобы вперед на восток оставалось до ближнего леса еще метров шестьсот *прозора* и не опасно стрелять под низким углом» («Адлиг Швенкиттен»), «Тамбовский уезд не так-то был и удобен для партизанской войны: как и большая часть губернии – малолесен, равнина, небольшие холмы, правда много глубоких балок и оврагов («яруг»), дающих и коннице укрытие от степного *прозора*» («Два рассказа»). Здесь и наложение на основное значение индивидуально-авторского понимания, выражаемого в слоге, стиле писателя, наиболее ярко раскрывающего идейно-тематическое своеобразие его произведений: «За это время Техотдел успел испробовать ветряк и отказаться от него и стал на хоздворе (в укрытом месте от *прозора* с вышек и от низко летающих самолетов У-2) монтировать гидроэлектростанцию, работающую от <...> водопроводного крана» («Архипелаг ГУЛАГ»), «Никто он, Шкуропатенко, просто зэк, но душа вертухайская. Выписывают ему наряд-повременку за то одно, что он сборные

дома от эков караулит, не дает растаскивать. Вот этот-то Шкуропатенко их скорей всего на открытом *прозоре* и подловит» («Один день Ивана Денисовича»). В последнем случае слово помещено уже в «тюремно-лагерный» контекст, оно воспринимается в своей полноте, находясь в одном ряду с «*надзором*», «*досмотром*», «*вертухаем*», «*вышкой*», «*шмоном*», «*карцером*»» (2, С. 37).

Обращает на себя внимание и сходное употребление у Замятина и Солженицына слов со значениями «покоя, неподвижности, оцепенения», «апатии, бездействия, застоя». «Только каждый из писателей находит свою оболочку для выражения авторской мысли: «Так камень бултыхнет в водяную *дремь*, все взбаламутит, круги: вот разбежались – только легкие морщины, как по углам глаз от улыбки – и снова гладь» (Е. Замятин, «Русь») – «Тут трагически сказалась та черта русско-украинского характера (не различая, кого из громил кем считать), что в минуты гнева мы отдаемся слепому порыву «раззудись плечо», не различая правых и виноватых, а после приступа этого гнева и погрома – не имеем способности вести терпеливую, методическую, многолетнюю деятельность к исправлению бед. В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой *дремли* – на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов» (А. Солженицын, «Двести лет вместе (1795-1995). Часть I»). При этом в словаре В. И. Даля наряду с множеством зафиксированных словоформ (*дрема*, *дремота*, *дремы*, *дремание*, *дремка*, *дремалка*, *дремуша*, *дремливість*, *дремуха*, *дрем*) нет ни замятинской «*дремь*», ни солженицынской «*дремли*»» (2, С. 37).

Солженицын, обращаясь в «Литературной коллекции» к фигуре Ивана Шмелева, подчеркивал ее значимость для русской истории и культуры. Отмечал он и его общественную деятельность в до- и послереволюционный период, и мастерство писателя, в творчестве которого звучат исконно

русские, национальные нотки, передаются традиции, происходит воскрешение православного сознания.

Через слово Шмелева раскрывались особенности русской жизни, традиции, быт, нравы, православное сознание и мировосприятие. Солженицын выделил десятки слов из произведений И. Шмелева, попавших на страницы словаря: «доброусердие», «незнанный», «проспор», «неразлучники», «повоздержитесь», «омоленный», «опаско», «первопоследний». Однако в своем литературном наследии Солженицын использовал только одно слово – «*потайно*».

«Отец в кабинете: принесли выручку из бань, с ледяных катков и портомоев. Я слышу знакомое *почокиванье* (это слово также включено в «Русский словарь языкового расширения») медяков и тонкий позвонок серебреца: это он ловко отсчитывает деньги, ставит на столе в столбики, серебрецо завертывает в бумажки; потом раскладывает на записочки – каким беднякам, куда и сколько. У него, Горкин сказывал мне *потайно*, есть особая книжечка, и в ней вписаны разные бедняки, и кто раньше служил у нас», – пишет Иван Сергеевич в романе «Лето Господне». «И Солженицын, заставляя слово источать энергию, передавать «нутряное» свое содержание, включает его в текст романа «В круге первом»: «И, *потайно* подстережа этот глубокий ночной час, когда марфинские тюремные порядки перестали действовать, – двести восемьдесят первый арестант тихо вышел из полукруглой комнаты, жмурясь на яркий свет и попирая сапогами густо набросанные окурки» (2, С. 38). Слово с максимальной точностью передает необходимую авторам атмосферу таинственности, скрытости и боязни раскрытия сокровенного, того, каким знанием обладают герои (как у Шмелева), или того, насколько они осторожны в своих поступках, помыслах (как у Солженицына).

Итак, Солженицын, ставя своей целью «возродить» к жизни незаслуженно забытые, с точки зрения писателя, слова, изучает различные устные и письменные источники речи, в т.ч. художественные произведения писателей России XIX-XX вв., и создает «Русский словарь языкового расширения». «Жизнь слову дает писатель – именно это демонстрирует А. Солженицын, включая лексику из словаря, из произведений русских писателей в собственные тексты, показывая его силу и энергетику воздействия на читателя. Безусловно, сталкиваясь на страницах словаря с такими единицами, как *«безграмотство»* (Успенский), *«безженный»* (Мельников-Печерский), *«ревучий»* (Ремизов), *«шумота»* (Есенин), *«ясносиятельный»* (Островский), открываешь для себя новые горизонты языковой стихии» (2, С. 38).

«Культура современности, как справедливо отметил сам Солженицын, – оскудневшая, обедневшая, затертая. Человек настоящего забыл многовековое языковое прошлое России, к тому же не у каждого возникает желание его возродить. В идее восстановления «утерянных богатств» мы должны отдать должное сегодня великим русским писателям, ученым, просветителям. И, безусловно, отдельный поклон Александру Исаевичу Солженицыну за трепетное, бережное отношение к родному языку и непосильный труд в возрождении великого русского языка, отечественной культуры в целом» (2, С. 38) .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпович В. В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына [Электронный ресурс] / В. В. Карпович // Грани. - 1974. - № 94. - С. 236–266. – Режим доступа: http://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=2293 (дата обращения 19.11.2018). – Загл. с экрана.
2. Малыгина И. Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) [Электронный ресурс] / И. Ю. Малыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 1 (55), Ч. 2. - С. 34-39. - Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/10.html> (дата обращения 19.11.2018). – Загл. с экрана.
3. Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами [Электронный ресурс] / Жорж Нива // Звезда. – 2003. - № 12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/12/niva.html>. (Дата обращения 19.11.2018). - Загл. с экрана.
4. Русский словарь языкового расширения [Текст] / сост. А. И. Солженицын. - 3-е изд. - Москва : Русский путь, 2000. - 270 с.
5. «Русский словарь языкового расширения». Составил А.И. Солженицын [Текст] // Книжное обозрение. – 1990. - № 13, 30 марта. – С. 5.
6. Семенова Г. П. «Чтобы слова не утекали как вода...» (О языке произведений А. Солженицына) [Текст] / Г. П. Семенова // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 19-28.
7. Эпштейн М. Однословие как литературный жанр [Текст] / М. Эпштейн // Континент. - 2000. - № 104. - С. 279-313.

